

Сивуха С. Социальный капитал минчан // Минчане в начале XXI века: социальный портрет / В.А. Бобков и др. – Минск: МНИИСЭПП, 2006. – С. 107–124.

9. СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ

9.1. Понятие социального капитала

Концепция социального капитала, разработанная П. Бурдьё (1983) и Дж. Колманом (1988), к настоящему времени превратилась в метатеорию, претендующую на интеграцию других социологических концепций и лежащую в основе оценок человеческого развития стран и регионов. В самой общей форме социальный капитал определяется как социальные связи, которые могут выступать в качестве ресурсов и возможностей получения выгод индивидами и сообществами. По Бурдьё, социальный капитал – продукт общественного (классового) производства, материальных практик, и в этом смысле является общественным (групповым) ресурсом. Связи между экономическим развитием общества и размером совокупного социального капитала опосредованы политическим строем, религиозными традициями, доминирующими ценностями. Классическое определение социального капитала как «совокупности актуальных и потенциальных ресурсов, которые связаны с обладанием прочной сетью более или менее институционализированных ресурсов взаимных знакомств, или, другими словами, с членством в группах»¹ открывает возможность измерять его с помощью индивидуальных индикаторов.

В американской социологической традиции принято считать, что социальный капитал создается свободным и рациональным индивидом для достижения собственных выгод. Этот процесс предполагает социальный контракт (обязательства и ожидания), набор социальных норм, социальных обменов и, следовательно, базовый уровень доверия. Последователи Колмана рассматривают социальный капитал как индивидуальный ресурс, дающий серьезные преимущества в достижении жизненных целей, в карьере, доступе к информации.

В современных социальных науках социальный капитал считается основой либерального общества и демократии, а его экономическое значение связано с уменьшением издержек на координацию совместной деятельности, поскольку контракты, формальные правила и бюрократические процедуры заменяются отношениями доверия, усвоенными профессиональными стандартами, этикой общения, то есть теми неформальными общественными нормами, которые передаются культурными традициями и образованием. По некоторым данным, статистическая связь между усредненным показателем доверия и национальным доходом составляет 0,56².

Как и другие формы капитала, социальный капитал приносит дивиденды лишь в случае активного использования. На индивидуальном уровне к получаемым выгодам относят уровень здоровья, воспитание и обучение детей, возможности поиска работы, удовлетворенность жизнью, высвобождение времени вследствие передачи ряда функций сфере услуг, когнитивную простоту мира, возможность более широкой социальной идентификации, конкурентные преимущества в деловой активности. На организационном уровне этот ресурс способствует снижению текучести кадров, обеспечению

¹ Bourdieu P. Forms of Capital /Richardson J.G. (Ed.) Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. New York: Greenwood Press, 1983, p. 248.

² Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton, N. J. Princeton University Press, 1990.

преимущества персонала, коллективному приросту знаний. Наконец, на уровне общества социальный капитал облегчает социальный контроль и передачу опыта, солидарность, замену бюрократических механизмов более дешевыми неформальными средствами регулирования.

Хотя социальный капитал создается и поддерживается в межличностных и межгрупповых отношениях, его не следует путать со сплоченностью и солидарностью. Последняя может создаваться как позитивным отношением к внешнему социальному окружению, когда членам других групп приписываются положительные качества (большой радиус доверия¹), так и негативным, когда внешние группы воспринимаются враждебно (большой радиус недоверия). Во втором случае общественная этика оправдывает аморальное поведение по отношению к другим ради блага своих (двойную мораль), и совокупный социальный капитал уменьшается. В частности, действия политических организаций часто направлены на достижение желаемых целей (солидарности) за счет эскалации враждебности к представителям других общностей.

В исследовательских программах, в частности, во Всемирном опросе ценностей и мониторинге устойчивого развития стран и регионов, который проводит Всемирный банк, доминирует индивидуалистический подход к измерению социального капитала.

В рамках этого подхода используется трехфакторная модель социального капитала: нормы взаимности, доверие и социальные сети². Два первых фактора являются по существу социально-психологическими атрибутами индивида и измеряются такими индикаторами как членство в общественных объединениях, электоральная активность, удовлетворенность взаимоотношениями, соблюдение норм взаимности, чувство безопасности, доверие к соседям и социальным институтам. Другую группу индикаторов составляют принадлежность к группам, количество и качество контактов. Однако особенности межличностных связей определяются факторами, внешними по отношению к теории социального капитала, поэтому результаты исследования личных сетей минчан будут обсуждены в **следующем** разделе.

Используя многолетние данные социологических опросов, документированное членство американских граждан в добровольных организациях и иную общественную активность (электоральное поведение, чтение газет, визиты к родственникам, коллективный отдых), Р. Патнэм утверждает, что социальный капитал в США постепенно снижается, что негативно влияет на другие формы национального блага. Однако анализ Р. Патнэма не учитывает изменений в структурах родственных связей, поколенного эффекта, изменения условий и стиля жизни (урбанизация, территориальная мобильность), развития электронных средств коммуникации, возникновения новых форм досуга.

Многочисленные публикации о взаимосвязях между уровнем социального капитала, деловой активностью, электоральным поведением, здоровьем и другими показателями качества жизни, а также опросные измерения соответствующих индикаторов во многих странах мира, в том числе в России, открывают возможности для оценки социального капитала в столице Беларуси *в сопоставлении* с другими странами и регионами. К сожалению, эти возможности остаются теоретическими. Концепции социального капитала противоречивы³. Кроме того, некоторые индикаторы Всемирного опроса ценностей (ВОЦ), Европейского опроса ценностей (ЕОЦ) и Всемирного банка являются по существу западоцентристскими и основаны на идеях протестантской этики. Эмпирические исследования в странах Восточной Европы и в России часто используют двусмысленные

¹ Fukuyama F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. New York: The Free Press, 1995.

² Putnam R. Bowling Alone: The collapse and revival of American community, New York: Simon and Schuster, 2000.

³ Paxton P. Is Social Capital Declining in the United States? A Multiple Indicator Assessment //The American Journal of Sociology, 1999, Vol. 105, No.1, pp. 88-127.

или архаичные индикаторы принадлежности, неадаптированные к славянской культуре шкалы модернизма и протестантской этики. Слабо учитываются экономические условия (транспортные коммуникации, телефонизация, наличие сектора частных услуг, заменяющих неформальную помощь). Некоторые западные авторы пытаются найти подтверждение идеологическому ожиданию, что посткоммунистические страны изначально обладают негативным капиталом.

В этих обстоятельствах изучение социального капитала минчан носит разведочный характер. Сначала обсуждаются основные показатели, а затем анализируются связи между ними, качеством жизни и социальной активностью. Полученный материал характеризует не только общественный капитал жителей столицы, но и дополняет картину свойственных им повседневных практик и социального самочувствия.

9.2. Показатели социального капитала минчан

Использованный опросник содержал традиционные для подобных исследований индикаторы доверия, членства в общественных объединениях, частоты неформальных контактов, социальной поддержки. С концептуальной точки зрения, важнейшим показателем социального капитала является мера взаимности отношений. К сожалению, этот показатель нельзя измерить в репрезентативных опросах, поэтому оценки капитала в большинстве исследований основываются на индикаторах доверия. В нашем исследовании для оценки степени **межличностного доверия** (его также называют обобщенным доверием) использован вопрос из ВОЦ/ЕОЦ: «Если говорить в целом, считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять или что нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми?».

Другим людям доверяют 42,0% респондентов. Эта доля несколько выше у мужчин (44,8%), чем у женщин (39,6%), и у респондентов в возрасте до 20 лет и старше 50 лет (более 45%), чем у респондентов среднего возраста (35%, см. Рис. 1). Эти данные согласуются с представлением о том, что солидарность как форма конформного поведения в большей степени свойственна молодежи и пожилым людям, тогда как для среднего возраста характерны нормы рационального и конкурентного поведения. Обобщенное чувство доверия нелинейно связано с возрастом и выше для лиц без среднего образования, а также для респондентов с высшим образованием.

По опубликованным данным ВОЦ¹, показатель доверия, обобщенный для более чем 92 тысяч респондентов в 45 странах, составляет 35,5 %. По данным ЕОЦ, средний уровень доверия в европейских странах в 1999 г. составлял 30,5 %, в Беларуси – 41,9 %, что полностью совпадает с нашими данными, а у ближайших соседей намного ниже: на Украине 27,2 %, в Литве 24,9 %, в России 23,7 %, в Польше 18,9 %². Таким образом, уровень доверия минчан к «большинству людей» существенно выше, чем в среднем на планете и в Европе. В то же время, этот показатель ниже, чем в Финляндии (58,8 %), Нидерландах (59,7 %), Швеции (66,3 %) и Дании (66,5 %). Перечисленные страны образуют относительно гомогенную группу: они имеют высокоразвитую экономику, доминирующей конфессией является лютеранство (кроме Нидерландов), институты государства и гражданского общества поддерживают толерантность к иным религиям, этносам, меньшинствам. Очевидно, Беларусь имеет мало общего с этими странами в отношении культуры и веры. Отрыв основного показателя социального капитала в нашей республике от соседних государств не может быть объяснен различиями в религии,

¹ Whitely P. Economic Growth and Social Capital: <http://www.shef.ac.uk/uni/academic/N-Q/perc/Polpaps/Pp6.html>

² Halman L. The European Values Study: A Third Wave. Tilburg: EVS, WORC, Tilburg University, 2001.

доминирующих ценностях и практиках. Речь может идти об автостереотипе, поддерживаемым национальными средствами массовой информации, которые пропагандируют терпимость и рассудительность как отличительные качества белорусов.

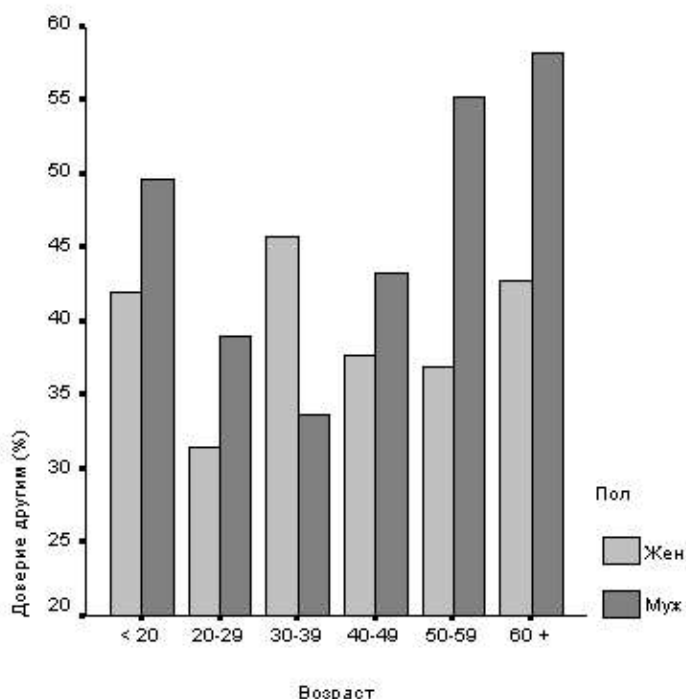

Рис. 1. Показатели межличностного доверия по возрасту и полу

Доверие к отдельным социальным группам и социальным институтам обсуждалось в главе [1]. Напомним, что показатели доверия минчан большинству социальных институтов лежат в пределах 10-20 %, за исключением армии, частного бизнеса (по 33 %) и церкви (48,7 %). Лишь для трех упомянутых институтов индексы доверия, определяемые как разность между числом доверяющих и числом не доверяющих, отнесенная к количеству опрошенных, положительны. Существенно, что невысокое доверие населения распространяется на законодательную и судебную власть, местные органы власти, органы охраны порядка, средства массовой информации, администрацию предприятий, то есть на все основные социальные институты, обеспечивающие эффективное функционирование общества. В главе [1] приведены данные о динамике доверия населения к социальным институтам с 1999 г. по 2003 г. Отношение к частному бизнесу, Конституционному суду, местным органам власти изменилось в положительную сторону, а к профсоюзам, церкви, администрации предприятий – в отрицательную. Как полагал Дж. Колман, доверие возникает из постоянных взаимодействий, обязательств и ожиданий, и потому может создаваться или разрушаться за короткое время. В связи с этим можно рассматривать динамику показателей доверия как индикатор подтверждения или неподтверждения ожиданий населения.

Специфическим показателем доверия к ряду социальных институтов является заявление в органы охраны порядка о совершенных преступлениях, особенно о вымогательстве взяток. Такие данные были получены в Минске Институтом изучения проблем преступности ООН (UNICRI) в 1997 и 2000 гг. Лишь в случае угон автомобиля доля обращений в милицию в 2000 г. велика (89,4 %). О кражах из жилища со взломом сообщили 64,0% пострадавших, об ограблениях – 42,3 % жертв. Жертвы остальных

преступлений сообщают об инциденте реже. Правоохранительные органы информируются лишь о пятой части (20,6 %) преступлений, связанных с нападениями и угрозами. О коррупции сообщил в милицию лишь один пострадавший (0,3 %). В 2000 году по сравнению с 1997 годом наблюдался рост обращений (на 6-16 %) по поводу серьезных имущественных преступлений, что может свидетельствовать о возрастании доверия к правоохранительным организациям.

В совокупности, относительно высокий обобщенный уровень доверия к людям и, как будет показано в следующем разделе, к непосредственному социальному окружению при относительно низком уровне доверия к общественным и государственным организациям можно интерпретировать как небольшой радиус доверия. Это обстоятельство может снижать эффективность организационного поведения, препятствовать обращениям за помощью в специализированные учреждения, поощрять незаконные формы взаимоотношений с работниками этих учреждений.

Другой показатель социального капитала основан на субъективной оценке респондентами **безопасности** на улицах: «Вы считаете, что гулять по вашему району после наступления темноты всегда безопасно, почти всегда безопасно, часто небезопасно или всегда небезопасно?». По данным нашего опроса, лишь каждый двенадцатый (8,3%) считает, что на улицах всегда безопасно, 35,4% – почти всегда безопасно, 42,9% – часто небезопасно и 13,4% – всегда небезопасно. На Рис. 2 представлены доли ответов «всегда» и «почти всегда безопасно» для возрастных и половых групп. Ощущение безопасности на улицах в большей степени свойственно мужчинам и уменьшается с возрастом. Эти показатели обнаруживают положительную динамику по сравнению с опросами UNICRI 1997 и 2000 гг. и говорят о благоприятном эффекте мероприятий столичных властей и служб, об улучшении работы правоохранительных органов.

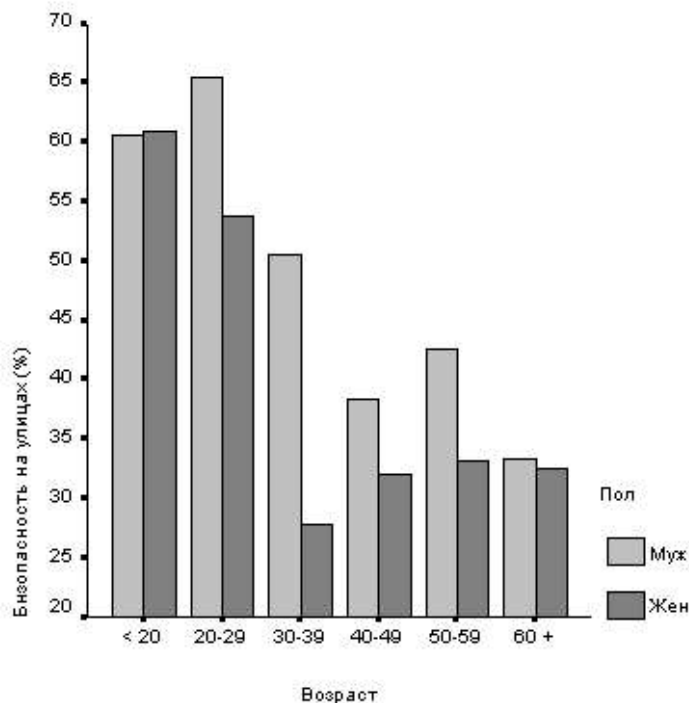

Рис. 2. Оценки безопасности на улицах (ответы «всегда» и «почти всегда безопасно») по возрасту и полу

Другая группа индикаторов социального капитала связана с **добровольным участием** в общественных организациях. В нашем опросе использовался довольно представительный список из одиннадцати организаций (см. таблицу 1).

Табл. 1.

Участие в добровольных организациях (%)

Организация	Принимают активное участие	Состоят, не принимая активного участия
1. Религиозная организация или община	2,7	5,7
2. Досуговая, спортивная организация	8,1	5,1
3. Организация в сфере образования, культуры	6,4	3,1
4. Профсоюзы	5,6	44,3
5. Политическая партия, движение	1,0	1,2
6. Творческое, профессиональное объединение	5,3	3,1
7. Женская организация	1,4	3,8
8. Молодежная организация	3,4	3,8
9. Комитет территориального самоуправления	1,1	0,4
10. Благотворительная организация	1,9	1,8
11. Экологическая организация	1,3	0,7

Согласно роли, которую перечисленные организации играют в моделях влияния социального капитала на экономическое и политическое развитие общества, они могут быть теоретически разделены на две группы: «досуговые» (№ 1-3 и 7-11) и «политические» (№ 4-6). Однако в статистическом анализе не удалось выделить этих двух факторов. Возможно, это является следствием низких показателей (1-8 %). В этой связи в последующем анализе использован простой агрегированный индикатор участия хотя бы в одной организации. О членстве как минимум в одной ассоциации сообщили 22,3 % опрошенных. Распределение активных участников хотя бы одной общественной организации по полу и возрасту приведены на Рис. 3. Женщины доминируют среди активистов во всех добровольных ассоциациях (25,2 % против 19 % мужчин), кроме спортивных и досуговых. Членство в профсоюзах и религиозных организациях характерно для старших возрастных групп, тогда как респонденты в возрасте до 20 лет активнее участвуют в работе молодежных организаций (15,8 %) и творческих объединений (24,8 %). Отчасти этим объясняются высокие обобщенные показатели членства молодежи в общественных организациях. В целом, активность в добровольных ассоциациях с возрастом падает, но в самой старшей группе снова возрастает. Продолжительность жизни в Минске, при условии статистического контроля возраста, не связана с работой в добровольных объединениях.

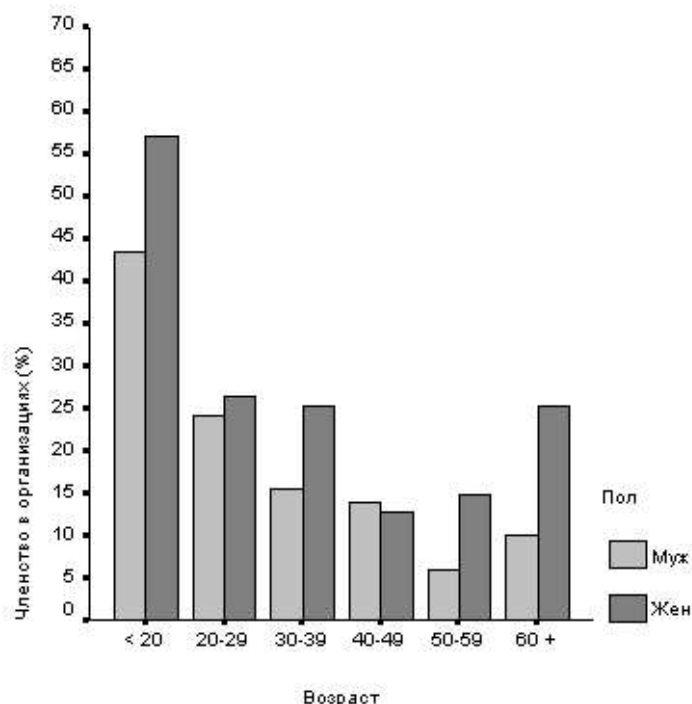

Рис. 3. Активное участие хотя бы в одной общественной организации по полу и возрасту

Таким образом, участие в негосударственных и некоммерческих организациях нехарактерно для минчан, хотя, согласно литературным источникам, именно эта форма социального капитала считается основой демократических обществ. Считается, что государство имеет ограниченные возможности для ее производства (исключая влияние образования). Социальный капитал скорее является побочным продуктом общего исторического опыта, традиции, религии, гражданских инициатив. Государственные институты и властные структуры могут негативно влиять на уровень социального капитала, принимая на себя ответственность и выполняя деятельность, которую уместнее было бы оставить частному сектору и институтам гражданского общества¹. Подобная позиция способна воспитать зависимость граждан и общественных организаций, разрушить навыки вовлеченности и спонтанного сотрудничества между гражданами и организациями. Поддержка добровольного просоциального участия, групп энтузиастов и некоммерческих объединений должна стать важной стратегической задачей социальной политики городского и районного руководства.

Следующая группа индикаторов **неформального участия** основана на измерении качества и количества межличностных контактов. Речь идет о связях с соседями, друзьями, родственниками и коллегами. В нашем исследовании измерялись: широта круга знакомств с соседями; частота встреч с родственниками и друзьями; частота телефонных разговоров с друзьями; обращение за поддержкой к индивидам, выполняющим различные социальные и межличностные роли; оказание помощи другим людям.

Более 65,2% опрошенных знают 5 и более **соседей по имени**. Этот показатель варьирует от 48% для тех, кто живет в Минске менее 5 лет, до 75% для тех, кто живет в городе более 20 лет. Более тесно связаны с соседями женщины и лица старшего возраста (см. Рис.4). Так, 84% респондентов в возрасте 60 лет и старше знакомы с пятью и более соседями, и лишь один человек в этой группе ни с кем не знаком. Тот же характер носит связь между продолжительностью жизни в Минске и количеством знакомых среди

¹ Fukuyama F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. New York: The Free Press, 1995.

соседей. Однако совместное влияние возраста и продолжительности проживания в столице статистически незначимо.

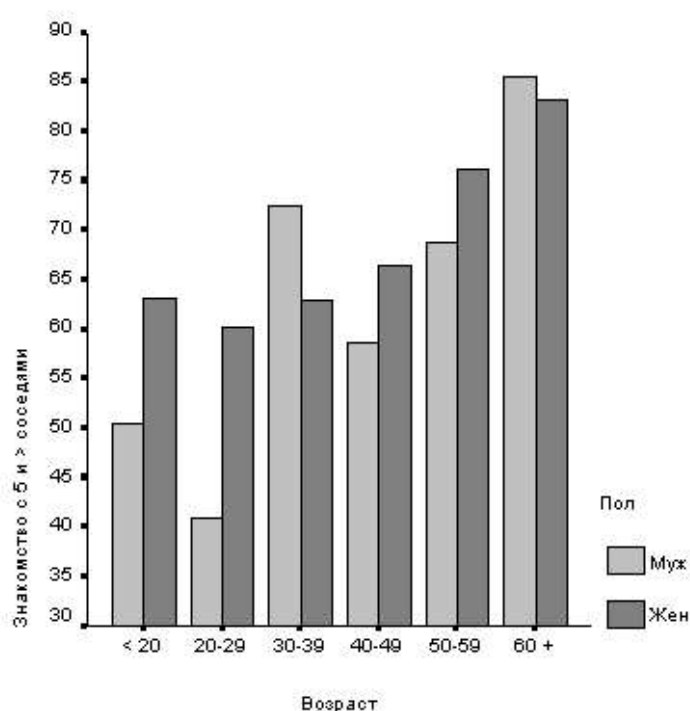

Рис. 4. Знакомство с соседями по полу и возрасту

Поддержание дружеских и родственных отношений предполагает личные встречи. Содержательным индикатором этой формы социального капитала является **частота посещения (или приема) гостей**. В течение последнего месяца 42,2 % респондентов побывали в гостях несколько раз, 33,5 % – один или два раза. Минчане чаще бывают у друзей и родственников, чем средний американец (по данным Р. Патнэма¹), однако это обстоятельство не позволяет сделать вывода о большей тесноте личностных связей в нашей выборке из-за несопоставимости территориальных особенностей расселения и транспортных коммуникаций в американских и белорусских городах.

Количество визитов в гости у минчан уменьшается с возрастом. Молодежь в возрасте до 20 лет бывает в гостях часто (74 % – несколько раз в месяц), респонденты старше 60 лет – редко (27 %). Различия по полу несущественны (см. Рис. 5).

Личные коммуникации не обязательно предполагают встречи лицом к лицу, они могут быть опосредованы электронными средствами. В межстрановых исследованиях Всемирного банка телефонизация сама по себе используется в качестве индикатора социального капитала. В нашем опросе измерялась **частота разговоров с друзьями по телефону** в течение последней недели. Почти 68 % респондентов беседовали 3 и более раз, что свидетельствует о достаточно прочных межличностных контактах минчан. На этот показатель могла повлиять популярность мобильной телефонной связи, особенно среди молодежи. Частично это подтверждается сильной зависимостью частоты звонков от возраста. Известно, что самой «мобильной» социальной группой является молодежь, особенно студенты. В младшей возрастной группе (до 20 лет) количество телефонных разговоров за неделю в несколько раз превышает этот же показатель в старшей возрастной группе (см. табл. 2). Среди респондентов младше 20 лет, имеющих мобильные телефоны,

¹ Putnam R. Opus cit.

доля тех, кто разговаривает с друзьями 10 и более раз в неделю, поднимается до 75,4 %, а среди жителей столицы в возрасте 20-29 лет, пользующихся сотовой связью, – до 65,5 % (см. Рис. 6). Хотя влияние мобильных аппаратов на частоту разговоров по телефону значительно слабее влияния возраста, эти данные поднимают серьезный вопрос о трансформациях традиционного социального капитала у населения, которое пользуется мобильными телефонами и другими электронными средствами связи, особенно у молодежи.

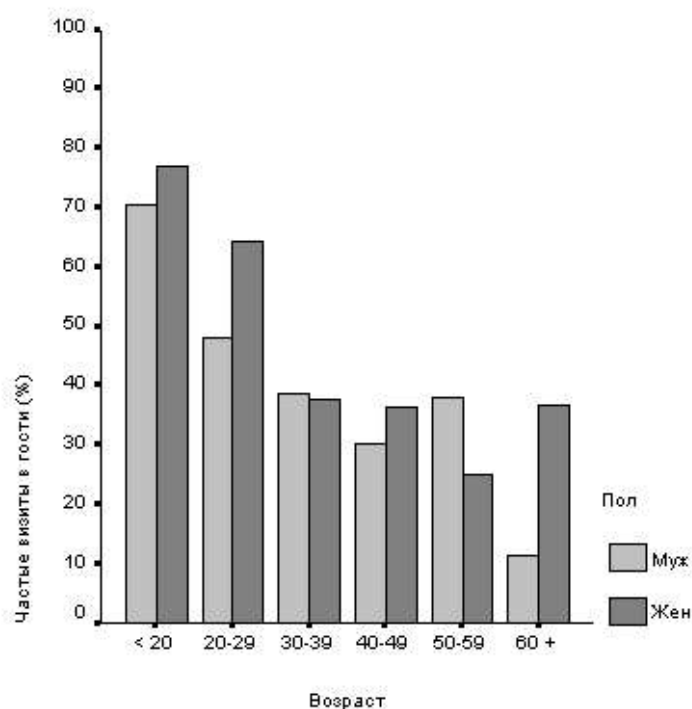

Рис. 5. Частота визитов гостей (несколько раз в месяц) по возрасту и полу

Табл. 2.
Частота разговоров с друзьями по телефону в зависимости от возраста (% по строке)

Возраст	Частота разговоров (раз в неделю)				Всего (N)
	10 и >	3-9	1-2	Ни разу	
Младше 20	67,3	22,4	8,4	1,9	107
20-29	50,9	33,1	11,8	4,1	169
30-39	32,4	41,2	23,5	2,9	170
40-49	12,1	43,1	36,8	8,0	174
50-59	16,8	38,3	36,4	8,4	107
60 и старше	15,4	33,6	36,4	14,7	143
Всего	31,5	36,1	25,7	6,7	870

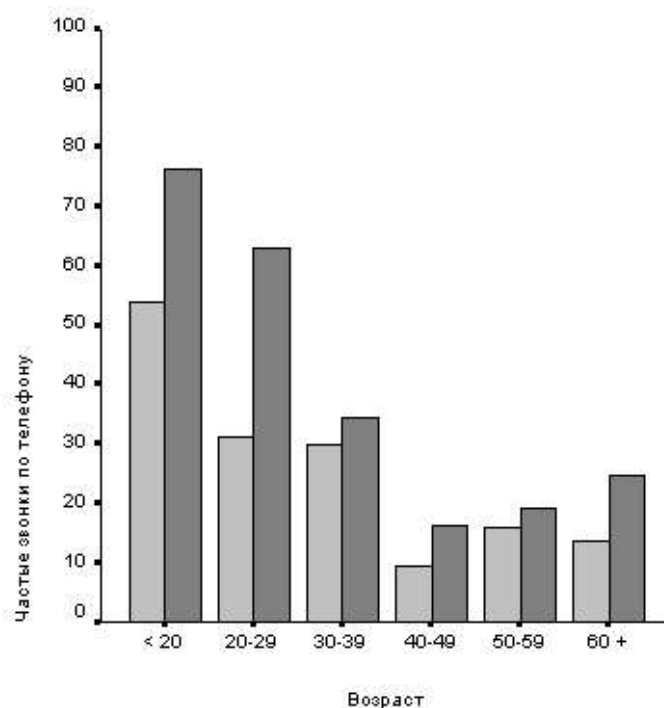

Рис. 6. Частые звонки (10 и более раз в неделю) по телефону в зависимости от возраста (светлые столбики – нет мобильного телефона, темные столбики – владельцы мобильных телефонов)

Простым индикатором межличностных связей служит вопрос о частоте проведения **свободного времени с родными и/или друзьями**: 39,1 % делают это часто, 55,7 % – иногда и 5,2 % – никогда. Мужчины проводят досуг с родственниками и друзьями реже, чем женщины (34 % и 44 %, соответственно, выбрали первый вариант ответа, см. Рис. 7). Более выраженная социальность свойственна женщинам практически во всех возрастных группах. Совместное проведение досуга особенно характерно для юношества (63 %), в меньшей степени – для экономически активного населения (27 % для возраста 30-49 лет). Вполне естественно, профессиональные и семейные обязанности ограничивают возможности непосредственного общения с друзьями. Одинокие респонденты упомянули о частом совместном досуге лишь в 28 % случаев. Другие контакты не всегда компенсируют отсутствие семьи. В частности, половина одиноких – индивиды в возрасте 60 лет и старше, не имеющие профессиональных связей.

Большая группа индикаторов **социальной поддержки** касалась помощи, за которой респондентам приходилось обращаться к другим людям в шести затруднительных ситуациях: на работе, в связи с поисками работы, в семье (конфликты, воспитание детей), в связи с необходимостью занять денег, со здоровьем, при необходимости обеспечить сохранность квартиры и имущества во время длительного отсутствия. Для повышения достоверности получаемой информации измерялась реальная помощь, полученная в течение последних 12 месяцев. Респонденты могли указать несколько источников помощи или выбрать ответ «Подобной проблемы не было». Похожая методика используется не только для оценки социального капитала, но и в исследованиях процессов межличностной поддержки в социальной психологии. Социальная поддержка является одним из основных факторов, определяющих или опосредующих успешное решение критических и повседневных проблем, а также состояние здоровья и субъективного благополучия. Индикаторы социальной поддержки часто используются для предсказания устойчивости брака, здоровья, нормативности поведения, удовлетворенности различными сторонами

жизни. Социальные психологи обычно измеряют функционально разные виды поддержки: материальную, эмоциональную, информационную и другие. Однако в данном исследовании основной интерес представлял именно структурный аспект (источники) социальной поддержки, поэтому характер получаемой помощи в опроснике не уточнялся.

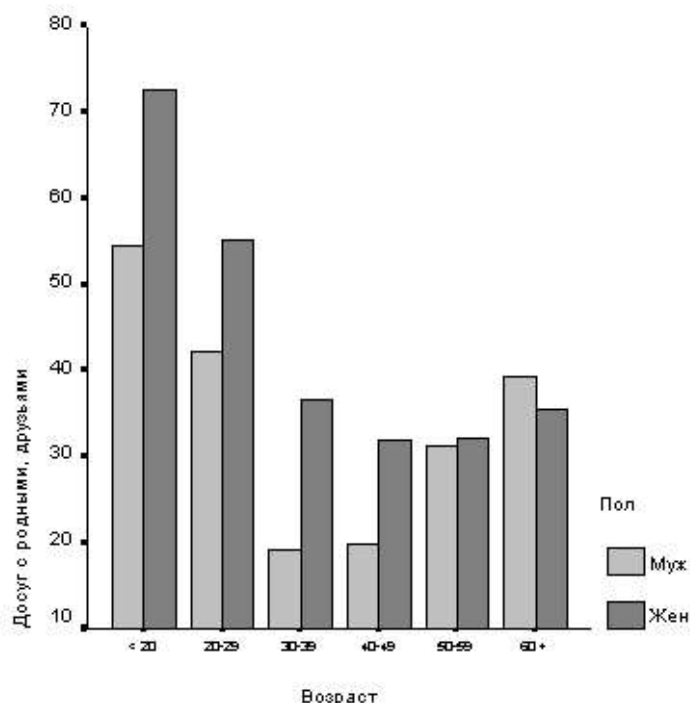

Рис. 7. Частое проведение времени с родными и друзьями по полу и возрасту

Распределение предпочитаемых источников поддержки в различных затруднительных ситуациях приведено в табл. 3 (наиболее значимые источники помощи в каждой ситуации выделены жирным шрифтом). Как можно видеть, основными источниками социальной поддержки у минчан выступают родители и друзья. Однако выбор источников помощи зависит от характера проблемы. Так, в случае профессиональных затруднений респонденты обращаются прежде всего к коллегам (20,8 %), в случае финансовых проблем – к друзьям (34,2 %) и родителям (24,7 %), при затруднениях в семье – к супругам (22,2 %), при проблемах со здоровьем – в специализированные (медицинские) учреждения (39,1 %). Основным источником информации при поиске работы являются не организации (например, кадровые агентства и службы трудоустройства), а неформальные каналы, прежде всего друзья и родители.

Указанные предпочтения объясняются наличием разных ресурсов у индивидов, выполняющих различные социальные роли (близкие родственники, коллеги, друзья) или наличием самих источников помощи, например родителей, супруг/ов или детей. Определенную роль играет логика отношений обмена (люди принимают помощь от тех, кому могли бы помочь сами), нормы и традиции. Предпочтения связаны с возрастом и отчасти с полом респондентов. Так, в случае проблем на работе основным источником помощи в возрасте до 39 лет выступают родители (до 29 %), и только в следующей возрастной группе – супруги (26 %). Молодежь чаще обращается к родителям за поддержкой в поисках работы (38 %). При финансовых затруднениях у молодежи основным донором выступают друзья (45 % в возрасте до 20 лет) и родители (45 % в возрасте 20-29 лет), а в среднем возрасте возрастает участие других родственников и коллег. Разумеется, суммы материальной поддержки в юности и в зрелом возрасте могут

существенно различаться. Бремя заботы о здоровье респондентов с возрастом постепенно переходит с их родителей на медучреждения и супруг(ов). Значимость друзей практически во всех затруднительных ситуациях с возрастом уменьшается.

Табл. 3.

Обращение к различным источникам помощи при столкновении с проблемами
(разрешалось давать несколько ответов)

Источники помощи	Работа	Поиск работы	Семья	Деньги	Здоровье	Охрана жилища
Родители	13,1	13,3	17,6	24,7	18,9	11,5
Супруги	14,2	4,5	22,2	1,9	13,9	1,7
Дети	4,0	0,4	4,1	3,9	6,9	6,0
Другие родственники	2,4	4,8	7,7	10,8	3,0	7,2
Коллеги	20,8	3,0	2,6	10,0	2,4	0,3
Друзья	16,0	17,8	19,7	30,2	7,8	7,0
Соседи	0,9	0,8	1,0	11,3	2,6	17,6
Специалисты, организации	2,8	4,8	0,4	0,6	39,1	5,1
Не было проблемы	43,2	61,7	37,8	25,5	25,2	50,8

Наиболее интересные гендерные различия наблюдаются в частоте отрицания проблем. По самоотчетам, 45 % мужчин и 31 % женщин не имели семейных проблем, 33 % мужчин и 19 % женщин – затруднений со здоровьем. Эти различия не могут быть объяснены гендерными особенностями восприятия затруднений. Так, большая частота отрицания проблем, связанных с работой и ее поиском, свойственная мужчинам, постепенно исчезают к пенсионному возрасту. Свободу от семейных затруднений декларируют молодые мужчины (до 39 лет включительно). В этом возрасте разность между долями ответов «не было такой проблемы» в двух гендерных группах превышает 20 %. Но и здесь различия постепенно сглаживаются и исчезают к 60 годам. Еще более показательна картина затруднений со здоровьем. Различия особенно драматичны в возрасте до 20 лет (мужчины – 66 %, женщины – 22 %), затем они уменьшаются, а в возрасте старше 60 лет наблюдается обратное соотношение (мужчины – 11 %, женщины – 21 %).

Формы поддерживающего поведения, рассматриваемого как показатели социального капитала, уместно разделить на три группы в соответствии с социально-психологической ролью источников: близкие родственники (родители, супруги, дети), друзья и «другие» (далекие родственники, коллеги и соседи). Помощь со стороны организаций в связи с ее незначительной ролью в дальнейшем анализе не учитывалась.

Еще одним индикатором тесноты межличностных связей как формы социального капитала стал вопрос о частоте оказания респондентами **помощи другим людям** в течение последних трех месяцев. Использовался список получателей поддержки из предыдущего вопроса, за исключением двух новых категорий – «знакомые» и «незнакомые люди». Проблемные ситуации не уточнялись. Данные приведены в табл. 4.

Основными получателями социальной поддержки являются родители (52,9 %), дети (49,6 %) и друзья (45,7 %). Кроме очевидных связей помогающего поведения с возрастом, обусловленных, например, появлением супругов и детей на определенном этапе жизненного пути, отметим уменьшение заботы о друзьях (им помогают 77 % респондентов в возрасте до 20 лет и около 40 % индивидов после 40 лет). Эту динамику

можно объяснить растущей с возрастом самостоятельностью друзей и самих респондентов. Уменьшение помощи знакомым после 29 лет и постепенное снижение поддержки незнакомым людям (с 22 % в самой молодой возрастной группе до 1 % у пожилых), возможно, связано с озабоченностью проблемами собственной семьи, своеобразным замыканием социального капитала на ближайшее окружение. Как и в предыдущих случаях, за очевидными возрастными различиями может скрываться когортный эффект, когда следующее поколение подчиняется новым социокультурным нормам, даже достигнув возраста предыдущего поколения.

Табл. 4.

Оказание помощи в течение трех последних месяцев (возможно несколько ответов)

Объект помощи	% от всех ответов	% от всех респондентов
Родителям	19,8	53,0
Супругу(е)	10,0	26,6
Детям	18,6	49,7
Другим родственникам	9,5	25,4
Коллегам	7,6	20,2
Друзьям	17,1	45,7
Соседям	7,8	20,9
Знакомым	6,2	16,6
Незнакомым людям	3,5	9,2
Всего	100,0	267,4

Во многих концепциях социального капитала в качестве ключевого показателя рассматривается норма взаимности в отношениях с другими людьми. В специальных исследованиях социального капитала, например, в ВОЦ и ЕОЦ, для измерения взаимности используется набор вопросов о допустимости проезда в общественном транспорте без оплаты, уклонения от уплаты налогов, дачи взяток официальным лицам, получения государственных пособий, на которые граждане не имеют права, и др. Однако подобные показатели измеряют скорее социальные представления о морали, об ответственности граждан, и, кроме того, подвержены серьезным искажениям в силу стремления давать социально желательные ответы.

В нашем исследовании в качестве меры взаимности помогающего поведения выступает совпадение ответов о поддержке, оказанной респондентам и респондентами, т.е. поведенческие индикаторы. В табл. 5 приведены коэффициенты корреляции между получением помощи в различных затруднительных ситуациях и оказанием помощи. Несмотря на то, что временные диапазоны помогающего поведения были разными (для получения поддержки 12 месяцев, для предоставления поддержки 3 месяца), индикаторы предоставления помощи носили обобщенный характер (относились ко всем затруднительным ситуациям), а сама поддержка связана с возрастом доноров и реципиентов, – несмотря на все эти зашумляющие факторы, тесные статистические связи говорят о выраженной взаимности помогающего поведения. Это касается, прежде всего, отношений с членами семьи и друзьями.

Связь между получением и оказанием помощи в затруднительных ситуациях
(коэффициенты корреляции)

Проблема	Доноры и реципиенты помощи						
	Родители	Супруги	Дети	Др. родственники	Коллеги	Друзья	Соседи
Работа	,187*	,267*	,183*	,080	,149*	,136*	-,028
Поиск работы	,131*	,118*	-,027	,024	,062	,174*	,019
Семья	,263*	,382*	,160*	,070	,037	,177*	,099*
Деньги	,244*	,105*	,119*	,114	,132*	,308*	,181*
Здоровье	,172*	,365*	,178*	,125	,048	,141*	,235*
Охрана жилища	,197*	,068	,240*	,080	,018	,148*	,154*

Примечание: «*» – $p < 0,01$

В связи с разным форматом ответов о получении и предоставлении социальной поддержки достоверную меру взаимности в межличностных отношениях сконструировать непросто. Вероятно, наилучшим показателем является доля различий в оказанной помощи, которая объясняется получением поддержки в шести затруднительных ситуациях¹. Достоинством этого подхода является возможность статистически контролировать влияние возраста. Как следует из табл. 6, наибольшей взаимностью обладают отношения с ближайшими родственниками (супругами, детьми, родителями) и друзьями. Неожиданно высоким оказался показатель взаимности для соседей. Здесь более вероятен мотив «возврата услуг». Включение возраста как средства статистического контроля поколенного эффекта существенно (в 2,5 раза) повысило долю объясняемой дисперсии для отношений с детьми, но практически не отразилось на показателе для отношений с коллегами, соседями и, что особенно интересно, с супругами. Хотя семья образуется на определенном этапе жизненного пути, в отношениях с супругами взаимность объясняет почти в 7 раз больше дисперсии оказанной помощи, чем возраст. Что касается детей, родительская забота не всегда оценивается как поддержка, которую обычно оказывают друг другу взрослые. Получение помощи от детей становится возможной на относительно поздних этапах личной биографии. Значительную часть жизни отношения поддержки между близкими родственниками являются односторонними, от родителей к детям. Вот почему в данном случае возраст респондентов (и тем самым детей), а не взаимность, оказывается самым верным фактором оказания помощи.

С доверием как измерением социального капитала связаны убеждения респондентов в том, что **общество ценит** их лично и что **помощь другим людям есть помощь самому себе**. Оба индикатора измерены по пятибалльной шкале. С первым утверждением полностью согласились 8,1 % респондентов, скорее согласились 29,7 %, скорее не согласились 20,7 %, полностью не согласились 13,3 %, и еще 28,1 % выбрали ответ «ни то, ни другое». Другим словами, участники опроса весьма скептически относятся к идее существования взаимности в отношениях между ними и обществом. Скептицизм особенно свойствен мужчинам и лицам среднего и старшего возраста (от 30 до 59 лет). Со

¹ Поскольку зависимая переменная измерена на дихотомическом уровне, использовался бинарный логистический регрессионный анализ. Показателем доли объясненной дисперсии служил R^2 Нагелькерке.

вторым утверждением, о взаимности межличностных отношений, полностью согласны 31,0 % респондентов, скорее согласны 40,4 %, скорее не согласны 7,3 %, полностью не согласны 6,5 %, ответ «ни то, ни другое» выбрали 14,9 %. Норма взаимопомощи в несколько большей степени свойственна женщинам и пожилым людям. Как и в случае предыдущих показателей, доверие к людям существенно выше доверия к обществу и его институтам.

Табл. 6.

Показатели взаимности поддержки (дисперсия оказанной помощи, объясняемая полученной поддержкой в шести проблемных ситуациях)

Логистическая модель	Реципиенты помощи						
	Родители	Супруги	Дети	Др. родственники	Коллеги	Друзья	Соседи
Без учета возраста	,172	,286	,187	,038	,054	,162	,104
С учетом возраста	,299	,329	,485	,062	,070	,274	,155

На основе полученного материала мы построили систему из 11 дихотомических показателей социального капитала (табл. 7). Удаление отсутствующих значений привело к снижению количества случаев до 692. Индикаторы таковы: доверие к другим; ощущение общественного признания (ответы «полностью согласен» и «скорее согласен»); безопасность на улицах (всегда или почти всегда безопасно); убеждение в том, что, помогая другим, люди, в конечном счете, помогают себе (ответ «полностью согласен»); взаимная поддержка с друзьями; взаимная поддержка с «другими», т.е. с дальними родственниками, коллегами и соседями (индикатор взаимопомощи с близкими родственниками не использовался, поскольку, помимо социального капитала, он отражает моральные обязательства и социобиологические нормы); принадлежность к общественным объединениям (хотя бы к одному); знакомство с 5 и более соседями; частые личные встречи с родственниками и друзьями (несколько раз в течение последнего месяца); частые разговоры по телефону с друзьями (10 и более раз в течение последней недели); частое проведение времени с родными и друзьями (дихотомический индикатор из набора вопросов о предпочтительных формах проведения свободного времени).

Табл. 7.

Дихотомические показатели социального капитала (% положительных ответов)

Показатель	%
Доверие к другим	39
Оценка общества	42
Безопасность	46
Взаимопомощь: друзья	40
Взаимопомощь: другие	25
Взаимопомощь: убеждение	28
Принадлежность	24
Знакомство с соседями	63
Визиты	48
Телефонные контакты	35

Возможности этих показателей индикаторов измерять социальный капитал оценивалось в конфирматорном факторном анализе¹. Проверялась достаточность выделения двух факторов: «Доверие» и «Взаимопомощь». Нагрузки приведены в табл. 8. Все коэффициенты статистически значимы². Таким образом, хорошее качество модели, и тем самым достоверность использованных показателей социального капитала, подтверждена.

Табл. 8.

Матрица нагрузок 11 индикаторов на два фактора социального капитала

Индикаторы	Доверие	Взаимопомощь
Доверие к другим	,093	–
Оценка общества	,182	–
Безопасность	,106	–
Взаимопомощь: убеждение	,217	–
Взаимопомощь: друзья	,048	–
Взаимопомощь: другие	,106	–
Принадлежность	–	,136
Знакомство с соседями	–	,062
Визиты	–	,327
Телефонные контакты	–	,252
Досуг с друзьями	–	,265

9.3. Социальный капитал и качество жизни минчан

Согласно теории, социальный капитал способствует расширению возможностей людей. Необходимо оценить влияние показателей социального капитала на измеренные показатели качества жизни и общественной активности граждан: материальное благосостояние, здоровье, интерес к политической жизни страны и электоральное поведение. Последующий анализ посвящен моделированию влияния индикаторов капитала на указанные показатели методом линейной регрессии.

Первая модель предсказывает самооценку материального благосостояния (респонденты отмечали свое положение на 10-сантиметровой шкале) в зависимости от 11 индикаторов социального капитала и демографических переменных. В совокупности, независимые переменные объясняют около четверти дисперсии изменчивости самооценки материального положения: демографические показатели, которые используются в качестве контрольных переменных – 16,9 %, индикаторы социального капитала – 8 %. Это немало, поскольку зависимость доходов от возраста и пола не только хорошо документирована и подтверждена многочисленными исследованиями, но и согласуется со

¹ В отличие от традиционной статистики, в которой моделируются связи между переменными или индивидами, структурные уравнения оценивает отношения между матрицами ковариаций переменных: одна генерируется теоретической моделью, вторая рассчитывается из эмпирических данных. Статистически значимое значение индекса пригодности модели свидетельствует о существенных расхождениях теоретической модели и эмпирических данных.

² Анализ выполнен в программе STATISTICA6, метод оценивания ADFG, асимптотически свободный от предположения о форме распределения. Показатели пригодности модели приемлемы, RMSR=0,051. Хотя хи-квадрат с 43 степенями свободы равен 128,70 ($p < 0,0001$), AGFI очень высок (0,998). Мощность критерия хи-квадрат для ошибки первого рода 0,05 равна 0,9995, т.е. сверхдостаточна для отклонения гипотезы о пригодности модели.

здравым смыслом. Напротив, влияние индикаторов социального капитала, уступающее эффекту половозрастных характеристик лишь в два раза, на индивидуальном уровне не очевидно.

К ожидаемым результатам относится пониженная самооценка материального состояния в пожилом возрасте, а также у женщин. Неожиданно то, что четыре из 11 индикаторов социального капитала имеют отрицательный регрессионный коэффициент. Хотя три из них статистически незначимы, т. е. неотличимы от нуля, полученный результат нуждается в осмыслении. Теория признает непростые отношения между составляющими капитала и существование разных механизмов производства и передачи капитала. В данном случае можно также предположить влияние неучтенных факторов. Например, более обеспеченные люди могут быть более занятыми и потому проводить в семье и с друзьями меньше времени. Они имеют больше возможностей для улучшения жилищных условий и, следовательно, разрушают связи, сложившиеся с прежними соседями. Вероятно, механизм взаимопомощи также по-разному проявляется в разных имущественных слоях.

При удалении незначимых переменных в модели осталось 4 показателя социального капитала: доверие к другим, оценка со стороны общества, безопасность, частота визитов. Все они положительно связаны с зависимой переменной.

Табл. 9.

Коэффициенты регрессии самооценки материального благосостояния в зависимости от демографических переменных и индикаторов социального капитала

Показатель	Нестандартизованный коэфф.	Стандартизованный коэфф.
Доверие к другим	,032*	,089
Оценка общества	,027*	,076
Безопасность	,061**	,175
Взаимность: друзья	-,027*	-,074
Взаимность: другие	-,004	-,008
Взаимопомощь: убеждение	,020	,050
Принадлежность	,013	,032
Знакомство с соседями	-,024	-,065
Визиты	,048**	,138
Телефонные контакты	,000	-,001
Досуг с друзьями	-,024	-,066
Возраст: < 20	,096**	,198
Возраст: 20-29	,070**	,169
Возраст: 40-49	,002	,005
Возраст: 50-59	,023	,040
Возраст: 60+	-,092**	-,164
Пол: женский	-,036**	-,103
Постоянная	,295**	

Примечание: * – значимость $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$

R^2 для полной модели 0,249, для показателей социального капитала – 0,080

Полагая, что самооценка материального благосостояния в терминах «бедные-богатые» может быть искаженной, мы повторили анализ, используя в качестве зависимой переменной ответы на традиционный вопрос о душевом уровне доходов, измеренных в

тысячах рублей по 7-балльной шкале¹. Результаты представлены во втором столбце таблицы 10.

Табл. 10.

Нестандартизованные коэффициенты логистических регрессий дихотомизированных переменных (дохода, самооценки здоровья, интереса к политической жизни и участия в выборах президента)

Переменная	Доход	Здоровье	Интерес к полит. жизни	Участие в выборах
Доверие к другим	,572**	,239	-,207	-,010
Оценка общества	,448*	,363	,342	,054
Безопасность	-,119	,626**	,427*	,451*
Взаимность: друзья	-,032	,424*	-,028	,274
Взаимность: другие	-,138	-,245	-,055	,479*
Взаимопомощь: убеждение	,126	,586*	,756**	,530*
Принадлежность	-,172	,130	,282	,122
Знакомство с соседями	-,497**	-,206	,418*	,806**
Визиты	,323	,441*	,277	,343
Телефонные контакты	,044	-,482*	-,280	-,438*
Досуг с друзьями	-,257	,243	-,201	,302
Пол: женский	-,369*	-,930**	-,538**	-,091
Возраст: < 20	-,063	,948**	-,586	-2,209**
Возраст: 20-29	,493	,701*	-,353	-,146
Возраст: 40-49	-,363	-,899**	,327	,456
Возраст: 50-59	-,147	-,861*	,336	,444
Возраст: 60 и старше	-,503	-1,280**	1,096**	,087
Постоянная	-,354	-1,372**	-1,204**	-,411
R ² Нагелькерке (все переменные)	,155	,306	,153	,251
R ² Нагелькерке (социальный капитал)	,069	,091	,082	,100

Все переменные в этой модели объясняют 15,5 % дисперсии, в том числе индикаторы социального капитала – 6,9 %. Без учета влияния возраста высокий уровень душевого дохода статистически значимо предсказывается четырьмя переменными: убеждением в том, что общество ценит данного индивида, верой в то, что, помогая другим, мы помогаем себе (взаимность), знакомством с соседями, а также проведением досуга с друзьями. Две последних переменных связаны с доходом отрицательно, что противоречит утверждениям концепции социального капитала. При статистическом контроле возраста остается три статистически значимых показателя, в том числе теснота связей с соседями (с отрицательным знаком). Возможным объяснением этого результата является связь между индикаторами социального капитала и возрастными группами. Этот аргумент основан на рассуждении, что с годами изменяется не только доход (зависимая переменная), но также убеждения и поведение людей, их материальная и социальная среда. Для статистического контроля взаимовлияния возраста и поведенческих индикаторов в регрессионную модель были введены взаимодействия между ними. Однако отрицательная связь между количеством соседей, с которыми респонденты знакомы, и

¹ Зависимая переменная дихотомизирована (единицей кодировался ежемесячный доход выше 200 тыс. руб. на члена семьи).

доходами настолько сильна (см. Рис. 8), что этот шаг существенно не повлиял на нее. С позиций концепции социального капитала существенна значимая связь между обобщенным доверием и уровнем доходов.

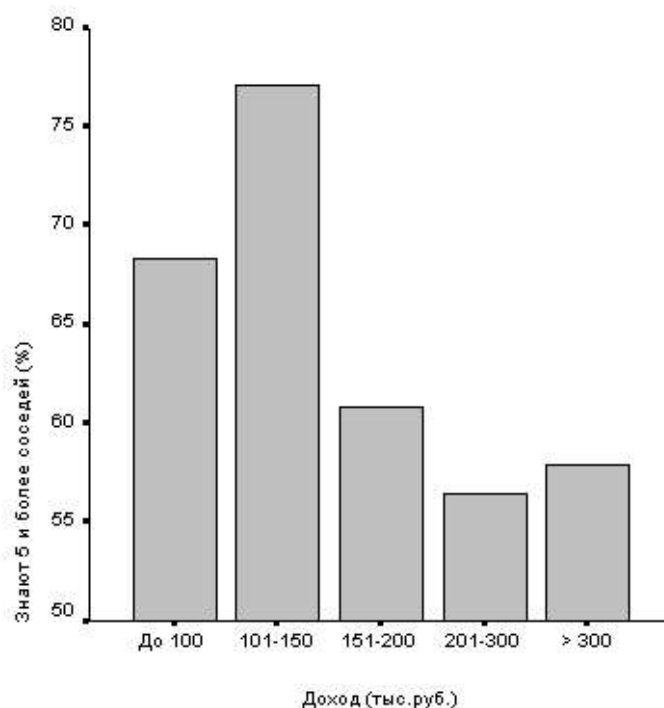

Рис. 8. Знакомство с 5 и более соседями в зависимости от дохода на одного члена семьи

Самооценка здоровья, как один из центральных показателей качества жизни, статистически значимо предсказывается пятью индикаторами социального капитала (см. третий столбец табл. 10). Объясняемая дисперсия зависимой переменной очень высока (30,6 %), хотя на долю социального капитала приходится только ее треть. Как и в предыдущем случае, один из индикаторов (частые разговоры с друзьями по телефону) связан со здоровьем отрицательно. Это следствие большей коммуникабельности молодежи (см. табл. 2). Эффект становится статистически незначимым при включении в модель взаимодействия между возрастом и частотой телефонных звонков.

В табл. 10 включены результаты еще двух логистических регрессионных моделей, зависимыми переменными в которых выступают интерес к политической жизни и участие в выборах президента страны. В некоторых работах эти переменные используются как индикаторы социального капитала, однако, с нашей точки зрения, это его поведенческие последствия. Интерес к политике особенно хорошо предсказывается чувством безопасности, убеждением в полезности взаимопомощи и теснотой связей с соседями. Все коэффициенты с положительным знаком. Электоральное поведение статистически значимо связано с пятью индикаторами социального капитала: чувством безопасности, двумя переменными взаимопомощи, теснотой связей с соседями и частотой телефонных разговоров с друзьями. Последний коэффициент отрицателен, однако этот эффект является артефактом положительной корреляции между возрастом и количеством звонков. При включении в модель соответствующего взаимодействия он становится статистически незначимым. Как следует из таблицы 10, электоральная активность хорошо предсказывается индикаторами социального капитала.

Таким образом, на индивидуальном уровне разные формы активности и качества жизни связаны с различными аспектами социального капитала. Доход и материальное положение предсказывается обобщенным доверием, общественной оценкой

индивидуального вклада, здоровье – чувством безопасности и установкой на взаимопомощь, а политическое, в том числе электоральное поведение – двумя предыдущими переменными и теснотой связей с соседями. Тем самым теория универсального социального капитала ставится под сомнение. Более правдоподобной представляется концепция целевой специфичности последнего, согласно которой объем и эффективность индивидуального социального капитала определяется целями человека, наличием связей с другими людьми, наличием ресурсов у этих индивидов. Это означает, что мужчины и женщины, молодежь и пожилые, наемные работники и предприниматели обладают разными видами капитала. Вот почему подсчет агрегированных индивидуальных индексов не имеет смысла.

Суммируя материал этого раздела, тем не менее, можно сказать, что минчане обладают значительным социальным капиталом в смысле доверия и межличностных связей, но скорее небольшим капиталом в смысле принадлежности группам и наличия социальных связей, ориентированных на сообщества. Этим объясняется невысокая активность горожан в комитетах общественного самоуправления, в организации совместных домовладений. Другими словами, жители Минска хорошо относятся к людям вообще, но равнодушно – к соседям и незнакомым согражданам. Если обобщенное доверие облегчает управление населением в политическом смысле, невысокое доверие горожан к конкретным людям может сдерживать просоциальное поведение (например, оказание помощи друг другу на улицах или взаимопомощь, связанную с присмотром за сохранностью жилищ и имущества соседей), затруднять управление социальным участием в конкретных акциях по месту жительства или работы.